

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Black & Red

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Литературный агент *Ольга Рубис*
Оформление серии *С. Курбатова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

vk vmirefiction

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 **Black & Red : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Большие тайны маленьких городов).**

ISBN 978-5-04-165190-9

Катя Петровская, сотрудница пресс-центра УВД, вспомнила залитую кровью лестницу, пакет с его жутким содержимым, нагнувшиеся до земли ветви яблонь с червивыми плодами, темную фигуру, всем своим весом налегающую на веревку, перекинутую через сук. Лицо, искаженное бешенством... Принимая участие в расследовании дела об убийстве двух молодых женщин, Кате пришлось заглянуть в черный омут человеческой души. Соприкоснуться с самым запретным, темным... И убедиться — реальность иногда превосходит самые страшные сны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165190-9

© Степанова Т.Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА

Февраль 1973 года

Смеркалось, выюжило, секло ледяной крупой с февральского неба. Кружило, швыряло жгучими пригоршнями в лобовые стекла грузовиков, натужно ревущих на крутых подъемах в гору. По старой Смоленской дороге ползли те грузовики — мимо, мимо, все дальше, дальше. Мимо леса, заснеженного, дремучего, погруженного в оцепенелый сон, в который как в смертную летаргию впадают в зимнюю пору одни лишь заповедные, закрытые, заказанные для посещения боры, рощи, пуши.

Со Смоленской дороги уводила в глубь леса просека, и у тех, кто мчался по шоссе, появлялось при виде ее порой странное щемящее чувство — словно в НИКУДА вела эта лесная дорога. И где, в каких дебрях терялась она, не ведала даже ушлая прожженная шоферня, знавшая назубок все окрестные проселки, бетонки, грунтовки и большаки.

Оранжевое солнце цеплялось из последних сил за сосны, медля заканчивать день. На просеке и в лесу было не так ветрено, как на шоссе.

В снегу — свежая глубокая колея. Ели, сосны, сорока-воровка, стрекочущая, орущая прорва, дозорный заповедного леса от непрошенных вторжений.

И как будто из ничего — из снега, из выюги возникший поперек просеки полосатый шлагбаум. А возле

него два бронетранспортера болотного цвета. И тут же вдоль дороги солдаты с автоматами.

А еще дальше снова бронетранспортер. И снова солдаты. Несколько офицеров в форме, люди в штатском, одетые тепло по февральской погоде — в полушубки, валенки, шапки-ушанки. Зеленые «уазы» с пятнистым маскировочным верхом. А еще дальше — огни, огни, огни строений, скрытых в самой чаще заповедного леса, имеющего статус государственного охотничьего заказника.

И — вереница черных правительственных лимузинов, похожих на гигантские галоши, забытые в этих местах кем-то когда-то...

Дальние выстрелы — как хлопки петард: бах! Ба-бах! Запах дыма бивачных костров. И месящий гусеницами снег и грязь трактор, с треском и грохотом что-то тянущий за собой на длинных крепких веревках. Что-то темное, громоздкое, оставляющее на снегу кровавый след.

Запах дыма.

Запах пороха.

Запах крови.

— Здоровые черти! Ну а этот всем боровам боров. Центнера на три потянет. Этого надо было на поляну, пускай бы себе сало делили, тешились. Кто его приложил?

— Немец, у него карабин видали какой? Бельгийский.

— Он бельгийский принципиально в руки не возьмет, вы что? Тем паче когда сюда, к Самому в гости едет. Свой у него карабин — немецкий, ихний отечественный.

— В Восточном фатерлянде такие марки не делают.

— Много ты знаешь, Щеголенко.

— Я что, по-твоему, в стволах не разбираюсь? Десятый год при этом самом деле состою. При красной императорской охоте.

— Ты болтай, Щеголенко, да не заговаривайся. У то-

варища Хонеккера оружие отличного качества, причем их собственного производства. Завод под Берлином, я каталог смотрел — ребята из Германии привозили.

Возле заглохшего трактора на поляне, со всех сторон окруженной лесом, — егеря, лесники. Тут же в забрызганных кровью, мокрых от снега охотничьих куртках офицеры охраны, суевающаяся обслуга гостевого охотничьего дома. На снегу — туши мертвых кабанов, славные охотничьи трофеи. Бурые шкуры, вздутые животы, задние ноги обмотаны веревками, чтобы волочить трактором было удобно.

Егерь Щеголенко в накинутах на плечи полушубке, достав из-за голенища нож, склонился над тушей самого крупного кабана, раздвинул задние ноги, ловким движением рассек промежность и вырвал, вырезал что-то с треском. Брызги крови фонтаном. В морозном воздухе разлилось зловоние.

— Давай вира по малой, волоки, пусть порадуются, разделят! — крикнул он трактористу, и трактор, взревев мотором, пополз по просеке в глубь леса, откуда тянуло дымом костров.

— Как тут у вас? Все готово? — К егерям подлетел запыхавшийся офицер охраны Ермалюк. — Давайте живее. Ждут.

— Ну, как там настроение-то? — спросил старший егерь. — Довольные хоть?

— Сам доволен. Веселый, шутит. Немец и румын тоже ничего, хоть и замерзли как цуцики. А венгр этот, товарищ Кадар, смурной. Не пойми чего ему надо — уж это разве не охота была? Одних свиней завалили пятнадцать штук.

— Ежели бы я их три месяца солью не прикармливал, хрен бы они хоть одного поймали, стрелки, — пробормотал егерь Щеголенко.

— Что? Разговорчики. — Ермалюк приблизился к нему вплотную. — Что-то больно болтать стал. Я давно уже замечаю. Давно к тебе присматриваюсь.

— Не связывайся ты с ними, — нервно шепнул Щеголенко старший егерь. — Сколько раз тебе говорил, они ж охрана, как псы, им везде все такое чудится, мерещится, чего и не было никогда ни у кого. Не дразни лихо, пока оно тихо. Чего тебе с ними делить? Сам тебя любит, отличает, возит вон всегда с собой, ты у него на охоте главный мастер, а им, конечно, завидно такое твое положение. А ты помалкивай себе.

— Да я и так молчу. Сказать уж совсем, что ли, ничего нельзя? — Егерь Щеголенко вспыхнул.

Гул трактора в чаще. Сорочий заполошный стрекот. Багровые полосы на снегу.

Егерь Щеголенко вытер окровавленную финку и спрятал ее снова за голенище. Когда выпрямился, краем глаза засек какое-то движение справа в ельнике, окружавшем поляну. Обернулся, всматриваясь, нет, померещилось. Тень среди снега и темных стволов... Нет, и правда померещилось.

— Закругляйтесь тут по-быстрому, — распорядился Ермалюк. — Леонид Ильич просил всех поблагодарить, всех без исключения. Молодцы, говорит, постарались. Так что молитесь бога...

— Что? — Егерь Щеголенко обернулся к нему.

— Моли бога, говорю, придурок.

— Что ты сказал, повтори.

— Эй, эй, эй, вы что, очумели? Сашка, замолчь, остынь, я сказал! — Старший егерь вклинился между ними. — Слушай, это, майор, ты тоже... того... Значит, поблагодарил Сам-то? Вот и хорошо, выходит, потрафили, угодили. Ну а это... А дальше-то что? Останутся они или как? У нас в гостевом доме будут или...

— Или. Уезжают. Там секретарь обкома уже часа полтора как дожидается по стойке «смирно». — Офицер охраны в чине майора, как было известно егерю Щеголенко, усмехнулся. — В доме приемов в Соргино будут ужинать, там все уже готово, так что вы тут можете отбой бить во все склянки. И давайте закругляйтесь

здесь. И ты тоже давай закругляйся, — бросил он хмурому Щеголенко.

Снег. Запах хвои.

Запах дыма.

Запах крови.

— Айда девятый квадрат еще пройдем с тобой, глянем, — предложил старший егерь, явно стараясь увести ершистого Щеголенко с поляны. — Может, осталась там какая животина неучтенная. Пальба-то какая с вышек шла, точно канонада.

Они углубились в лес. Миновали одну из деревянных охотничьих вышек. Снег под ней был истоптан. Всюду валялись стреляные гильзы, окурки.

— Да, охота, — вздохнул старший егерь. — Любят они это дело. Вот и до смоленских лесов добрались. В прошлый-то раз в Беловежскую Пущу ездили. А осенью к чеху в Карпаты. А в Югославию Ильич тебя с собой брал?

Щеголенко кивнул. Он снова оглянулся. Ему опять почудилось там, сзади, среди снега и ельника, какое-то движение. Подозрительное движение, какое-то странное, рваное, неровное, лишенное пластики, присущей любому дикому животному.

— Ты чего, Саш?

— Ничего, так. Броз Тито тот еще стрелок, хотя и старик уже совсем.

— Там с флажками охота была, кажется, да? Ну, конечно, потешились всласть. Про флажки-то здорово этот хрипчатый поет...

— Кто? — спросил Щеголенко.

— Ну этот, как его... Высоцкий, что ли. Тот, что на Колдунье женился. Тут на днях Вальке Купцовой, ну, что на пульте охраны у нас сидит, Жеребенко две катушки записей новых приволок.

— А что, Валька до сих пор еще того, работает? Ей же рожать вот-вот...

— Да, видно, еще терпимо пока. Интересно, кто ж

ей это удружил? Молчит! Уж к ней и парторг подступал, я слышал, просил настоятельно имя отца ребенка назвать. Ведь это явно из наших кто-то ее в койку-то... А она молчит, не признается, ни гугу никому. А на работу выходит, сидит себе в своем закутке. У нее ж там техники навалом, пульт, прослушка, ну и магнитофон, конечно, импортный. Так вот записи с концерта этого хриплого. Мы прямо животы надорвали — там и про дурдом, и про Зинку, и про евреев — про все поет. И про охоту тоже. Про охоту на волков. Строка там прям в самую точку — мол, бьются до рвоты и волки, и егеря... И пятна красные флажков на снегу...

— Слушай, что это там, по-твоему, а? — тихо сказал егерь Щеголенко.

— Где?

— Вон, за сосной.

Старший егерь взгляделся. И... то ли снег был тому причиной, то ли блики закатного солнца, то ли тени февральские фиолетовые колдовские, но почудилось ему... Почудилось такое, что прошиб его пот.

Под старой сосной в снегу лежало тело. Старший егерь ясно увидел выброшенную вперед руку со скрюченными, сведенными судорогой пальцами.

«Подстрелили... Так и есть, мать моя женщина, прикончили кого-то... Вот те и случай на охоте... Вот тебе и благодарность... Мать моя, это ж дело подсудное — убийство».

От волнения он аж зажмурился. Услышал хруст снега и удивленное восклицание Щеголенко. Открыл глаза, ожидая, что вот сейчас все это обрушится на его голову как лавина (ведь за организацию охоты и расстановку людей в лесу отвечал лично он). Скрюченные пальцы, впившиеся в снег, лицо мертвеца и...

Рука, которую он так ясно видел, видел даже с зажмуренными в приступе острой паники глазами, обернулась волчьей лапой с когтями.

Под сосной в снегу лежал труп огромного волка со

свалявшейся на боках шерстью странного изжелта-бурого, совсем не зимнего, а какого-то непонятного окраса.

Старший егерь, человек бывалый, отважный, сначала остановился как вкопанный. Потом попятился. Затем взял себя в руки. Ладно, чего не бывает на охоте. Тем более такой — полной амбиций, нервов, надежд — великой красной императорской охоте, где пестрит в глазах от генсеков из братских стран Варшавского блока, где не дай бог ошибиться, напортачить, не суметь угодить, не дай бог прогневить Самого Главного Генсека, который так любит охоту и все, что с ней связано.

Рука со скрюченными пальцами, впившимися в снег, — он же видел ее своими собственными глазами. Что же это он, ослеп? Или на какое-то мгновение сошел с ума? Отключился? Сорвался с катушек?

А сейчас перед ним широкая волчья лапа с кривыми когтями. И волчья морда, ощерившая клыки.

— Ни хрена себе. — Егерь Щеголенко обошел вокруг, утапывая снег. — Вот это зверюга, прямо тигр, а не волк, сколько ж в нем от морды до хвоста-то? Черт, рулетку бы сюда, смерить... И откуда тут ему взяться? Вообще-то в заказнике волки есть, как не быть им, но... Да и с лесником здешним мы говорили на этот счет, он ничего такого... Эй, ты чего это?

— Ничего. — Старший егерь сглотнул ком в горле. — А ты, Саш... это... Ты лучше отойди, не трогай, не касайся его!

Щеголенко с изумлением воззрился на коллегу. Чего это он орет? Ну ЧП, конечно, во время кабаньей охоты волчина из лесу выскочил. Ну и напоролся на пулю. Кто же это его уложил? Крови вроде не видно. Значит, с одного выстрела сняли. Чей же это трофей? Товарища Хонеккера, или товарища Кадара, или товарища Чаушеску? А может, Сам ему пулю в башку вцепил из оптической дальнобойной?

— Крови вроде не видно, — вслух повторил Щеголенко.

— И следов тоже, — хрипло сказал старший егерь. — Ни волчьих, ни чьих кругом.

— Откуда бы ему тут взяться? — Щеголенко нагнулся.

Волчий глаз — тусклый, желтый, мертвый. Разинутая пасть, точно в приступе смертной зевоты. И клыки, такие клычищи... Ах ты, волк-волчище, государь ты наш, волк, батюшка, император зимнего леса...

— Слушай, его бы сфотографировать да смерить, хорош собака, на чучело сгодится. Как Самому-то потом доложим, что вот, мол, во время охоты был добыт и скорее всего вами, — егерь Щеголенко усмехнулся. — Ты давай сходи, позови сюда наших, и фотоаппарат пусть захватят. А я его покараулю, а то, видишь, снег какой, пока туда-сюда мыкаемся, тут все заметет, не найдем потом ни хрена.

— Саш, черт с ним совсем, пойдем оба отсюда, — старший егерь потянул его за рукав.

— Да ты что? Иди, я тут побуду, веревкой ему лапы задние завяжу и, может, вон на тот сук вздерну, — Щеголенко указал на сосну. — Сподручнее фотографировать будет, весь метраж налицо, а то в таких сугробах неловко.

Прежде чем нырнуть в заросли, старший егерь обернулся: вот такое расстояние отделяло его тогда от сосны, когда он так ясно увидел в снегу тело и руку, белую бескровную кисть, пальцы, скрюченные, как когти. И что же видно сейчас ему отсюда, с этого безопасного расстояния? Видна сосна, виден Щеголенко, разматывающий веревку, и... Видно что-то темное, бесформенное в снегу, что-то непонятное, неподвижное, бездыханное, мертвое. Не человек, не зверь, не волк. Трофей?

Щеголенко помахал ему: ну что же ты, торопись, не до ночи же тут торчать? Ну, уж конечно, не до ночи.

НЕ ДАЙ МНЕ БОЖЕ ОКАЗАТЬСЯ ТУТ В ЛЕСУ НОЧЬЮ...

Старший егерь, тяжело дыша, проваливаясь в глубокий снег, напролом сквозь кусты ринулся назад за подмогой. Туда, где все так привычно, знакомо — дым костров, говор, смех, гвалт, туда, где люди, охрана, солдаты, бронетранспортеры. Щеголенко просил рулетку и фотокамеру. Сейчас он направит туда людей из охотхозяйства, пусть и занимаются этим волком. Пусть потом охрана доложит Самому, а уж Сам решит, на счет кого из высоких партийных гостей записать знатный трофей. А он, старший егерь, НИЧЕГО ТАКОГО ОСОБЕННОГО не видел. Просто померещилось от напряжения, от усталости, давление, наверное, подскочило, и приключился какой-нибудь сосудистый спазм, вызвавший глюк, видение.

Волчья лапа с кривыми когтями, похожими на крючья. Полоснет такая лапа, с живого скальп снимет, пикнуть не успеешь...

Впопыхах старший егерь сделал то, что до этого не делал никогда в жизни, — сбился с курса, забрал немного вправо. Поляна, где считали кабаньи трофеи, оказалась в стороне.

Оранжевое солнце падало в безвременье, опускалось за край земли — в смоленские снега, в темную ночь. Сумерки сгущались. Со стороны гостевого дома по шоссе в направлении шлагбаума, бронетранспортеров, охраняющих въезд-выезд с территории охотничьего заказника, медленно двигалась вереница черных правительственных лимузинов. Высокие гости отбывали восвояси.

А примерно в километре от главной дороги, ведущей в охотхозяйство, на лесной просеке вот уже почти четверть часа натужно буксовала в снегу «Скорая помощь». Пока весь личный состав обеспечивал в лесу «охотничьи мероприятия», в гостевом доме случилось в общем-то ожидаемое, но весьма несвоевременное ЧП. У старшего лейтенанта роты охраны зданий Вален-

тины Купцовой (той самой, которая слушала на казенном магнитофоне записи Высоцкого) начались родовые схватки. Роды были явно преждевременные, но делать было нечего: дежурный срочно вызвал из райцентра «Скорую». «Скорая» примчалась, но вместо бригады акушеров за роженицей прибыл один лишь молоденький медбрат.

Старшего лейтенанта Купцову повезли в местный роддом. Но на просеке «Скорая» застряла среди ухабов и сугробов. И некому, некому было помочь в заповедном лесу. Шофер, матюгаясь, жал на газ. Роженица, вытянувшаяся на кушетке, застеленной клеенкой, стонала, кусала губы, крепилась, крепилась, глотала слезы, терпела, терпела... И вот, не в силах больше сдерживаться, визгливо, страшно заорала.

— Потерпите, прошу вас! — Медбрат, испуганный, взъерошенный, выскочил на снег с намерением подтолкнуть застрявшую машину.

Выскочил и увидел старшего егеря, которого, наверное, сама нелегкая занесла так далеко от поляны — сюда, на глухой проселок.

— Помогите! У нас женщина рождает! — медбрат замахал руками.

Старший егерь подбежал — задыхающийся, мокрый от пота. Он был рад... черт возьми, никогда в жизни он не был так рад, так счастлив увидеть... эту вот воняющую бензином жестянку, этого пацана в белом халате... он был счастлив безмерно, что...

ЧТО ВСЕ ЭТО БЫЛО НОРМОЙ. И он сам был в норме. А тот сосудистый непонятный спазм там, в лесу, та сонна и то, что валялось в снегу под ней, мертвая падаль, эта тварь...

НИЧЕГО ТАКОГО НЕ БЫЛО. ОН НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ. ПРОСТО ПОМЕРЕЩИЛОСЬ СО СТРАХА.

— Раз-два, взяли! Еще раз взяли! — с ходу вместе с медбратом старший егерь налег плечом на кузов «Скорой». — А ну давай, давай, давай, еще, еще!

— Ничего не получается, — санитар сдался первым. — Намертво завязли!

Из «Скорой» послышался крик роженицы.

— Бегите за помощью, — медбрат ринулся внутрь. — Ее надо срочно в роддом, я тут один не справлюсь.

Итак, помощь требовалась уже не только Щеголенко, и старший егерь надал ходу.

Старший лейтенант Купцова снова отчаянно и страшно закричала от боли. И вопль этот, вой лес усилил зимним эхом стократно.

Егерь Щеголенко резко выпрямился. Что это было? Там — далеко, а может, близко. Кажется, со стороны дороги, а может, и в чаще. Так кричит жертва в лапах хищника, когда он, этот хищник лесной, бросается из засады, всаживая клыки в живую плоть.

Откуда взялся тут этот волк, размером с хорошую телку? Слишком крупный даже и для заказника?

Щеголенко обмотал задние ноги волка веревкой, затянул крепкий узел, попробовал веревку. Выдержит вес? Ничего, выдержит. На дерево вздернуть трофей — оно даже к лучшему. Сейчас темнеет уже, когда там еще напарник с фотоаппаратом обернется. Не фотографировать же для личного охотничьего альбома генсека при фонарях? Завтра с утраца вернемся сюда, сделаем снимки качественные. А волк ночь повисит таким вот макаром, как висельник, зато никакие падальщики навряд ли до него доберутся.

Щеголенко зашел сзади и потянул за веревку. Потом примерился, размахнулся и перекинул свободный конец через сук, нависший над поляной.

И тут над лесом пронесся снова тот странный звук — крик, вой. И лес его снова услышал и принял, усилил, а затем заглушил, оборвал порывом ветра.

Щеголенко, напрягшись, потянул веревку на себя. Тело волка в снегу дрогнуло, подалось. Задние лапы, стянутые путами, приподнялись. Это Щеголенко видел. Он не видел другого: мертвые зрачки в желтых

мертвых волчьих глазах, припорошенных снегом, внезапно сузились, а потом расширились, полыхнув черной искрой.

Эх, взяли! Еще раз взяли!

Тело висело на сосне, слегка раскачиваясь. Щеголенко закрепил веревку вокруг ствола. Передние лапы болтались примерно в метре от земли. Голова волка была на уровне лица Щеголенко. Он смотрел на трофей. Затем потянулся к волчьей морде, хотелось пощупать мех, дотронуться до оскаленных клыков.

«Милый друг, наконец-то мы вместе, ты плыви, наша лодка, плыви. — Лесную тишину вспорола песенка, эстрадная птичка-невеличка из включенного на полную громкость транзистора. — Сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви».

Сердцу хочется...

К сосне, к Щеголенко, к волку-трофею из заснеженных зарослей шагнул тот самый майор охраны Ермалюк — охотничья куртка на одном плече, как ментик гусарский, на шее транзистор болтается, в руке — пистолет (для офицера охраны с ним привычнее даже на охоте).

— Это еще что за дрянь? — спросил он громко, распространяя вокруг крепкий коньячный запах (улимонили высокие гости на черных лимузинах, пора себе и это самое позволить, маленько нервы расслабить).

— Не видишь, что ли, волк. Случайно подстрелили.

— То есть как это случайно? — Майор Ермалюк подошел к трофею, оглядел. — А кто разрешил?

— Никто не разрешал, он сам откуда-то выскочил, ну и под выстрелы с вышек, видно, попал. — Щеголенко чувствовал злость и досаду.

— Кто разрешил, я тебя спрашиваю! Правительственная охота, все мероприятия согласованы, объекты утверждены, а тут это... эта вот дрянь, хищник. — Майор Ермалюк резким жестом ухватил вздернутого на сосну волка за вздыбленный загривок.

«И хорошей большой любви», — прохрипел транзистор, и это было последнее, что услышал лес, окруживший их стеной со всех сторон.

Тело, вздернутое на дыбу, изогнулось стальной пружиной. Щеголенко увидел огромную волчью лапу с кривыми когтями, она рассекла воздух, как теннисная ракетка, и ударила наотмашь...

Фонтан крови из разорванных шейных артерий взвился вверх, и что-то круглое, как мяч, живое, орущее от боли, а через секунду уже мертвое было отброшено и покатилося, покатилося, покатилося по снегу, пятная его алым.

Голова майора охраны отлетела к ногам Щеголенко, а тело майора охраны мешком свалилось на землю.

Затрещала натянутая веревка и оборвалась, лопнула как струна. Щеголенко упал навзничь и не успел подняться: НЕЧТО обрушилось на него сверху, вгрызаясь клыками в горло, забывая распяленный в крике рот воющей звериной шерстью...

Когда трое лесников заказника под предводительством старшего егеря в сгустившихся сумерках вышли на поляну к сосне, транзистор в снегу все еще играл: передавали эстрадный концерт. «А нам все равно, а нам все равно, пусть боимся мы волка и...» — пел Юрий Никулин.

Ремешок транзистора почернел от крови. Один из лесников, увидев то, что предстало их взору, согнулся пополам в неудержимом приступе рвоты.

Обезглавленное тело, обмотанный ремешком транзистора кровавый обрубок шеи, сведенная судорогой рука, сжимающая табельный пистолет...

Старший егерь споткнулся о труп Щеголенко. У него было разорвано горло. На снегу багровела лужа натекшей крови.

На ветке сосны над их головами болтался обрывок веревки.

— Оба мертвые, Щеголенко Сашка... я же только

что... полчаса назад тут, — старший егерь затравленно оглянулся. — А где волк? Где следы? Где волчьи следы?!

И словно в ответ ему эхом бабахнул в лесу далекий выстрел.

— Это на просеке, там, где «Скорая» завязла, ты ж туда солдата из охраны на тракторе направил! — крикнул один из лесников, сдергивая с плеча карабин.

Они мчались, не разбирая дороги, и лес, каждый квадрат которого они все знали как свои пять пальцев, выглядел так, будто это был совсем другой лес, лес-незнакомец, чужой лес. Сумерки ли тому были виной или их собственное душевное состояние, а может, проделки лешего, который порой куролесит даже в суперзакрытых правительственных сверххраняемых охотничьих угодьях? А может, это были проделки и еще кого-то, имени которого лесники — люди бывалые, отважные, ходившие и на кабана, и на волка, и на медведя, — не поминали всеу.

Просека была уже почти вся скрыта тьмой. Единственным пятном света были фары трактора, который, урча мотором, отчего-то съехал в кювет. Посветив в кабину фонарем, старший егерь увидел там белое от страха лицо водителя. Потом оказалось, что это водитель «Скорой помощи», бросивший свою машину и закрывшийся в тракторе.

Двери «Скорой» были распахнуты настежь. Под колесами лежал медбрат — лицо его было ободрано, на плече зияли рваные раны. Но он был жив, дышал.

Внутри, в кузове «Скорой», в свете фонаря плясали снежинки. Старший егерь увидел женщину на больничной клеенке и с трудом узнал ее: неужели это Купцова — Валя Купцова? Внизу, на полу, что-то пискнуло, закричало, а потом закричало надсадно и громко, оглушая, треща спасения.

Это был новорожденный младенец. Потрясенный старший егерь скинул с себя охотничий бушлат и завернул в него голое сморщенное тельце, оно дергалось в его руках, извивалось, как червяк, и орало, орало...

Медбрата вытащили из-под колес, лесник прижал к его губам фляжку с водкой, тот глотнул, закашлялся. Два исполненных ужаса глаза глянули на них.

— Где ОНО?

— Что? Кто? Что тут было? Кто вас ранил? Где наш человек, который приехал за вами на тракторе?

— Я... я не знаю, что это было. Оно выскочило из леса и ворвалось к нам. Я роды принимал, роды начались преждевременно, и я делал все возможное... Оно отшвырнуло меня прочь...

— Мы слышали выстрел. Где наш человек?

— Он стрелял в него, не знаю, попал ли... Оно утащило его в лес...

— Оно? Волк, ты это хочешь сказать, парень?

— Я не знаю, может, и волк... Оно было огромным, обросшим шерстью, оно сначала было на четвереньках, а потом... потом оно... господи боже... Оно убило ребенка?

Из «Скорой» послышался детский писк.

— Никаких следов! — крикнул один из лесников, шаря лучом фонаря по окружающим просеку сугробам. — Я не нашел никакого следа — ни из лесу, ни назад в лес!

А снег все падал, падал. Свет от включенных фар трактора упирался в стену леса. Дальше тьма была непроглядной. Мотор трактора работал вхолостую, и только один этот механический звук внушал хоть какую-то уверенность, возвращая к реальности.

Наши дни

А что есть реальность? Нечто, данное нам в ощущении, а может, в снах о прошлом? Нечто, что мы можем слышать, обонять, осязать, даже когда глаза наши закрыты, а сердце как обручем стиснуто ужасом, трепетом, сумасшедшим восторгом, безумием?..

Рев мотора.

Запах бензина.

Вкус крови из прикушенной губы.

Это ли не есть самая настоящая и единственная реальность? Вкус собственной крови... Единственная нить, связывающая вас с внешним миром, когда глаза ваши закрыты, а память подернута мглой? Снежинки, пляшущие в пятне желтого света, леденящий холод, которым встретил вас этот мир тридцать пять лет назад...

Просеки никакой не было и в помине. Было шоссе, были сумерки, на фоне леса тлели дорожные фонари. Где-то совсем близко дачная подмосковная станция Узловая. Туда подходила электричка. А по шоссе мчался мотоциклист. Хромированная металлическая сияющая громада «Харлея» в сочетании с черной кожей и аспидным мотоциклетным шлемом, похожим на инопланетный хай-тек.

Рев мотора.

Запах бензина.

Скорость...

В иные мгновения именно скорость составляла главный смысл жизни того, кто вот уже тридцать пять лет звался Олегом Купцовым по прозвищу Гай среди друзей, которых у него было немного, женщин, которые водились у него всегда в огромном количестве, и соперников — байкеров, которых он, не будучи сам настоящим, истинным байкером, в глубине души презирал как некую низшую, недостойную внимания и зависти неполноценную расу.

Сияющая громада «Харлея», тянущаяся стальной струной, льнущая резиной к дороге, упругий ветер в лицо — еще секунда, и все это пронесется мимо станции Узловой, где нет ничего, кроме платформы, разъезда, автобусной остановки и дома путевого обходчика с покосившимся забором, грядками картошки да гнилым курятником.

На платформу с электрички сходили пассажиры. Одна из пассажирок — пожилая, худая как жердь — во-